

resource]. URL: <http://artflx.uchicago.edu> (дата обращения: 27.11.2018).

17. Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 27.11.2018).

18. Random House Unabridged Dictionary, by Random House, Inc [Electronic resource]. URL: <http://dictionary.infoplease.com> (дата обращения: 27.11.2018).

19. The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. London E.C., Oxford University Press, Amen House, 1955.

20. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York, Oxford, 1992.

21. Wierzbicka A. Imprisoned in English: The hazards of English as a default language. London E.C., Oxford University Press, 2014.

* * *

1. Apresjan V.Ju. Opyt klasterного анализа: ruskie i anglijskie jemocional'nye koncepty. Chast' 1 // Vopr. jazykoznanija. 2011. № 1. S. 19–51.

2. Apresjan V.Ju. Mehanizmy obrazovanija i vzaimodejstvija slozhnyh znachenij v jazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2015.

3. Apresjan Ju.D. Izbrannye trudy. T. II: Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995.

4. Apresjan Ju.D. Issledovanija po semantike i leksikografii. T. I: Paradigmatika. M.: Jaz. slav. kul'tur, 2009.

5. Zaliznjak Anna A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija. M.: Jaz. slav. kul'tur, 2006.

6. Ioanesjan E.R. Semantika styda // Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov: sb. nauch. tr. IJa RAN. M., 2016. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lan/2016_08/5.pdf (дата обращения: 27.11.2018).

7. Ioanesjan E.R. Sposoby nominacii razocharovaniya v jazyke // Vopr. psiholingvistiki. 2018. № 2(36). S. 182–195.

8. Levontina I.B. Zhalost', sochuvstvie, sostradanie, uchastie // Novyj ob#jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka. Pervyj vypusk / Ju.D. Apresjan, O.Ju. Boguslavskaja, I.B. Levontina [i dr.]; pod obshhim ruk. akad. Ju.D. Apresjana. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1997. S. 107–112.

9. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij. M.: Gnozis, 2008.

10. Shahovskij V.I. Kognitivnaja matrica jemocional'no-kommunikativnoj lichnosti // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2018. № 1. S. 54–79.

11. Shahovskij V.I. Kommunikacija v jemocional'noj sfere cheloveka: jekologicheskij i jemocio-

nal'nyj intellekt // Jemocional'naja sfera cheloveka v jazyke i kommunikacii: sinhronija i diahronija: materialy Mezhdunar. konf. M. – Jaroslavl: Kancler, 2018. S. 145–162.

The semantics of the word «pity»

The article presents the semantic analysis of the word “pity”. It is shown that, in addition to the traditionally distinguished value of prototypical pity denoted by the lexeme “pity”, there exists another meaning of the lexeme under study. The author claims that “pity” denotes a complex feeling in which there are elements of a condescending or contemptuous attitude towards shortcomings, limitations, etc. of the object to which the subject experiences this feeling.

Key words: *semantics, lexicology, polysemy, predicates of an emotional relationship.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЭМОТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Разработанная В.И. Шаховским теория эмоциональности применяется в статье к анализу русских антропонимов. Определяется, что имена собственные способны коннотировать, приобретать дополнительные экспрессивные и оценочные значения. Личные имена имеют три формы: полную (официальную, паспортную), краткую (домашнюю) и демунифицированную или аугментативно-пейоративную. Методика В.И. Шаховского может быть применена к анализу других видов имен собственных (топонимов, эргонимов и пр.).

Ключевые слова: *оним, коннотация, эмотив, эмсема, дериват, краткое имя, мелиоратив, пейоратив.*

Полвека назад молодой волгоградский исследователь В.И. Шаховский опубликовал статьи, в которых изложил свои взгляды на выражение эмоциональности в языке [2] и на эмоционально-экспрессивную функцию языковых единиц [1]. С тех пор его концепция

выкристаллизовалась, обрела четкость и завершенность, и ныне этот ученый с мировым именем постоянно цитируется в работах по ономастологии и семасиологии, по коммуникативистике и прагмалингвистике, по проблемам общей и частной лингвистики и пр. В своих современных трудах В.И. Шаховский призывает различать эмоциональность и эмотивность: эмоция – это категория психологии, а на языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность. «Эмотивный – то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность – имманентно присутствующее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики <...>» [3, с. 24]. Характеризуя эмотивный компонент значения слова, он пишет: это «та семантическая доля, с помощью которой языковая единица осуществляет свою эмотивную функцию» [Там же, с. 8]. По мнению автора, эмотив – «языковая единица <...>, превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [Там же]. Эмотивность является компонентом семантической структуры слова и соотносится с коннотацией лексической единицы [4].

В.И. Шаховский разграничивает понятия экспрессивности и эмотивности и допускает существование неэкспрессивной эмотивности. Он говорит о том, что эмотивность высказывания всегда связана с реализацией эмоциональной оценки, в то время как экспрессивность чаще связана с интеллектуальным намерением убедить в чем-нибудь адресата [5]. Ученый полагает, что экспрессивность может быть как денотативной, так и денотативно-коннотативной [6].

Имя собственное является единицей языка, равной слову или словосочетанию (иногда и предложению). Не вдаваясь в перманентную дискуссию о семантике имени собственного, отметим, что в языке нет и не может быть лексических единиц, не имеющих значения. Имена собственные способны коннотировать, приобретать дополнительные значения, которые «служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т. п.» [7, с. 199], следовательно, они обладают своей специфической, онимической семантикой. Любой оним существует в языке как единица ряда, в котором каждый конституент объединяется с другими, но при этом обладает своими чертами, отличными от других единиц, уже на языковом уровне

имея ассоциативные семы ‘известное / неизвестное’, ‘старое / новое’, ‘национальное / заморское’, ‘нейтральное / окрашенное’ и др. [8, с. 19]. И к этой онимической семантике добавляются «облигаторные коннотативные семы, реализующиеся полностью или частично в речи: интенсивность, оценочность, образность, эмотивность» [9, с. 88].

Любой носитель языка способен определить эмотивность антропонима, топонима и других имен собственных. Личные имена в большинстве языков имеют как минимум три формы: полную (официальную, паспортную), краткую (домашнюю) и деминутивно-мелиоративную или аугментативно-пейоративную. Антропонимы в качестве тематической доминанты текста встречаются в официально-деловых, научных и художественных текстах, демонстрирующих отсутствие строгой границы между собственно антропонимическими и квазиантропонимическими текстами [10, с. 71–76]. Квазиантропонимический текст в состав тематического, а иногда и рематического рядов обязательно включает некоторый минимум антропонимов (метрические записи, купчие крепости, уголовные определения, личные документы и т. п. – в документальном жанре, драматические произведения – в художественной литературе) [11].

Полное имя может выражать торжественность, уважительное отношение к именуемому, особенность протекания событий, в которых он участвует. Е.Г. Водолазкин в своем романе «Лавр» использует только полное имя одного из героев, передавая тем самым перипетию его трудной судьбы: *Николай был невысок, но неистовую силу ему давали вселившиеся в него бесы. <...> Николай рычал и выл, и грыз свои цепи, обнажая обломанные о железо зубы. <...> Николай уже не выл и не бился. <...> При этих словах Николай протянул руки к Лавру, словно хотел его обнять. <...> Звяня цепями, Николай медленно съехал на землю. <...> Николай был еще очень слаб, потому что с бесами из него вышла та кромешная сила, которой он обладал. <...> Молитвами окружающих и своей собственной Николай нашел в себе силы дойти до церкви и причаститься. <...> Прямо из церкви Николай, сопровождаемый народом, направился к пещере Лавра. <...> Затем все спросили Николая, отчего это, когда его вели к пещере Лавра, он так сопротивлялся и кричал криком, превышающим по своей силе человеческие возможности. И тогда Николай ответил им: Вы били меня, понуждая*

идти сюда, бесы же били меня, возбравая это делать, и я не знал, кого из вас слушать (АГВ).

Ю.Н. Вавилов в документальной повести о судьбе братьев Вавиловых именуется отца и дядю только полным именем, хотя начало повествования приходится на их детские годы: *Николай был почти на четыре года старше Сергея – в детстве это очень много. Семья Вавиловых жила в Москве на Средней Пресне. Николай имел твердый характер, был смел и решителен, и ему нередко приходилось защищать младшего брата от пресненских мальчишек, вступая за него в драку* (ЮНВ). Этим автор выражает уважение к героям своего рассказа, свое в некоторой степени официальное отношение к описанию их жизни в популярном журнале. Видимо, в таком онимоупотреблении отражаются также антропонимические традиции, царившие в семье. В дневниках Сергея Ивановича Вавилова старший брат именуется только полным именем, хотя при этом ощущается горячая любовь к нему и тревога за его судьбу: *13.8.1940. У брата Николая 7-го на квартире был обыск. <...> 5.5.1941. Безнадежная тоска, опускающая руки, трагическая судьба Николая, ни минуты не выходящая из головы и парализующая все. <...> 29.8.1941. Во сне видел Николая, исхудавшего, с рубцами запекшейся крови. <...> 13.9.1941. Сегодня узнал из письма Елены Ивановны (жены Н.И. Вавилова) о печальной и мрачной участи Николая. <...> 5.7.1943. Страшная телеграмма от Олега (сына Н.И. Вавилова) о смерти Николая. Не верю. Из всех родных смертей самая жесточайшая. <...> 26.10.1943. Пришла бумага относительно Николая о его смерти 26 января в Саратове. Прочел и расписался. Последняя тоненькая ниточка надежды оборвалась. Надо понять полностью – Николай умер. Опасаюсь, что сойду с ума... <...> 26.1.1944. Сегодня год со дня смерти Николая. Как он умирал? Ничего не известно* (ЮНВ). Обратим внимание, что и племянника С.И. Вавилов называет полным именем, а невестку – по имени и отчеству, что подтверждает традиции употребления полных имен в их семье. Рассказ Ю.Н. Вавилова завершается словами: *В истории Родины, в нашей памяти и памяти наших потомков имена братьев Николая и Сергея Вавиловых будут неразрывно связаны* (ЮНВ).

Иные традиции были в семье Чуковских, здесь родных и близких именовали краткими и ласкательными именами: *Это будет приятно Цезарю: он гордился знакомством с «Митей» – как все они называли Матвея Петровича тогда. <...> Коля – друг Льва Гумилёва, вынул*

счастливый жребий – народный суд; Лёва же без суда был отправлен в лагерь. <...> Ия, и братья мои (оба, и Коля и Боба, тоже учились в Тенишевском) на школьных переменках по любому поводу, а то и «просто так» навещали во «Всемирке» отца и в промороженных коридорах и гостиных встречались не с ним одним. <...> Мурочка, моя маленькая сестра, умерла от туберкулеза в Крыму, в Алупке, безо всякой надежды на спасение. <...> Я Мурку очень любила. <...> Оправившись после скарлатины, Люша росла здоровым ребенком веселого и спокойного нрава. <...> Незадолго до этой моей мольбы, в июне 27-го, навестил меня в Саратове старший брат, Николай, Коля. Привез кое-какую одежду, банки варенья, сласти, книги, приветы, фотографии Мурочки, письма родных и друзей. <...> В Ташкенте я узнала, что убит под Можайском наш Боба (Впоследствии более точно: под деревней Уваровкой.) <...> Мама – а на коленях у нее длинная смешная беззубая Мурочка. Мурке – уже 7 лет (ЛКЧ). Весь текст насыщен краткими и деминутивными именами, некоторые из них образованы по нетрадиционным моделям: Мурка, Мурочка < Мария, Люша < Елена, что придает им сему интимности, известности только среди близких.

На выбор необычной формы краткого имени оказывали влияние различные обстоятельства бытования людей с одинаковыми антропонимами в той или иной социальной группе. В царской семье Романовых со времен Екатерины II стало популярным имя *Николай*, что привело к особенностям выбора домашних имен, образованных не по традиционной модели. В семье уже было три Николая, когда в 1850 г. у второго сына Николая I великого князя Константина родился первый сын, которого назвали в честь деда. Возникла проблема с выбором домашнего имени. Барон М.А. Корф, член Государственного совета и директор Санкт-Петербургской публичной библиотеки, записал слова молодого отца: *Большого брата (Николая Николаевича) до сих пор зовут Низи – имя, которое осталось за ним еще с моего детства, когда я иначе не мог его выговорить; Николая Александровича (сына цесаревича) – Никса; Николая Максимилиановича – Коля, пришлось мне назвать моего – Никола (МАК). Как видим, каждое из домашних имен содержит богатую палитру коннотативных сем, выражающих историю возникновения необычного антропонима, интимность его употребления, связь между разными единицами группы и их противопоставленность.*

Коннотацию ласкательности отражают антропонимические дериваты с ласкательными суффиксами, регулярными из них являются *-ечка, -енька*. Первый универсальный, присоединяется к любому краткому имени, второй избегает основы на *-н'* (**Ваненька, *Таненька*), но легко присоединяется к другим мягким согласным: *Варенька, Витенька, Оленька, Машенька* и др. Эти эмотивные формы имени обладают семантикой мелиоративности, интимности, выражения доброго отношения, покровительства и т. п.: *Старуха подняла от подушки голову, шевельнулась, клеенчатый диван хворо заскрипел. – Коленька! Вот не ожидала. <...> Вот не ожидала. Ах, Коленька... Приходится помирать на чужой земле. <...> В комнате было грязно, по облупившимся стенам гуляли тараканы, в углах грудились набитые мукой мешки. – Завтра в больницу, Коленька. – В больницу, в больницу... <...> Был бы Дмитрий Панфилович счастлив... Ах, какой он хороший, Коленька... Ах, какой редкий человек... <...> Будете, Коленька, в России, кланяйтесь всем знакомым нашим... <...> Не сердце, а душа... Душа, Коленька, болит, середка... Все потеряла, все (ВЯШ); Сущие ребята, птенцы желторотые; все на одно лицо – Васенька, Коленька, Петенька, Митенька (ДСМ).*

Известно, что в языке существует аксиологическая асимметрия: отрицательная оценка в словах встречается чаще, чем положительная, негативные эмотивы преобладают над позитивными. Однако в антропонимической деривации это не наблюдается. Увеличительно-уничижительные суффиксы встречаются крайне редко: *Я Иван-великан, Я Иван-великан, Я Иваниче, Великанище!* (ЕЛШ).

Отчасти компенсирует аксиологическую диспропорцию в русской антропонимии суффикс *-ка*, который, в отличие от соответствующего форманта в западно- и южнославянских языках, утратил значение ласкательности и стал употребляться как фамильярно-уничижительный. В общении сверстников уничижительность нейтрализуется, на первый план выходят коннотативные семы близости и простоты общения, общего круга коммуникации, но при этом отражается невысокий социальный статус именуемых: *Трактористов было двое – Колька и Петька. <...> Колька глянул на Петьку, Петька – на Кольку. – Ладно, я, – сказал Колька; один раз Колька, пользуясь переездом, крупно подкальмил на тракторе – перевез сруб и пару дней гулял, а сказал, что стоял с пробитой прокладкой. <...> Колька ждал, что его потянут за тот калым,*

но его почему-то не тянули. <...> – Не слушай никого, Колька, ехай, как знаешь. <...> Колька был отличный тракторист. Увидев занесенную машину и Митьку около нее, Колька остановился, оставил трактор на газу, вылез из кабины (ВМШ).

Семы социальной близости коммуникантов, общения в деревенской среде, простоты коммуникации, невысокого социального статуса говорящих содержит отчество в одиночном вокативном употреблении: *Слышь, Николаич, – уже тараторил Олег по телефону. <...> И это не все еще, Николаич... <...> Старший в машине у нас, Николаич. Слушай, давай я зайду, – попросил спокойно Олег (ЗП).*

Еще в большой степени простоту общения, низкий социальный статус коммуникантов, их недостаточное владение литературным языком отражают диалектные формы антропонимов. Яркой чертой южнорусской народной фонетики является прогрессивное смягчение заднеязычных, которое находит отражение и в именах: *Санька... – выдохнула бабушка, когда Саша, сжав зубы, чтобы не развернуться и не убежать огородом, шагнул вперед, и скинул сумку на землю, и протянул руки к бабушке. <...> А надьсь думала, как же Санька не придет, – сказала она, и Саша почувствовал малосильную укоризну в ее голосе. <...> Писем не пишет. Дед помрет, а Санька не узнает... «Помрет» бабушка произносила через «е», и оттого слово звучало куда беззащитнее и обреченнее. <...> Выходя, услышал, как бабушка громко говорит деду: – Санька приехал! Санька! – Санька? Что ж он не зайдет? <...> Что ж ты не идешь ко мне, Санька? <...> Помирать не страшно, Санька... Жизнь очень долгая (ЗП); Я режу ветку и давно слышу звонкий, протяжно-подголосный зов: – Санька-а! Санька-а, чтоб тебе почечуй вточился-а! (КДВ). Диалектная форма имени сопровождается в тексте другими признаками народной речи: лексемами, описанием фонетических особенностей и пр.*

Итак, разработанные В.И. Шаховским идеи эмотивной лингвистики позволяют более внимательно проанализировать особенности оноупотребления в современном русском языке и обнаружить закономерности функционирования антропонимов и их форм в художественном и публицистическом тексте. Предложенная ученым методика эмотивного анализа может быть применена и к другим видам имен собственных (топонимам, эргонимам и пр.).

Список источников

АГВ = Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: Ред. Елены Шубиной, 2013.

ВМШ = Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 кн. М.: Надежда-1. Кн. 2.

ВЯШ = Шишков В.Я. Повести. Минск: Беларусь, 1986.

ДСМ = Мережковский Д.С. Александр Первый. М.: Пресса, 1994.

ЕЛШ = Шварц Е.Л. Два клена. М.: Агентство ФТМ, 2016.

ЗП = Прилепин Захар (Е.Н.). Санкя. М.: AdMarginem, 2006.

КДВ = Воробьев К.Д. Друг мой Момич. М.: Современник, 1988.

ЛКЧ = Чуковская Л.К. Прочерк / сост. Е.Ц. Чуковская. М.: Время, 2009.

МАК = Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003.

ЮНВ = Вавилов Ю.Н. Братья Вавиловы: жизнь и трагедия / предисл. Е.Б. Александрова // Наука и жизнь. 2007. № 1. С. 84–87.

Список литературы

1. Шаховский В.И. Эмоционально-экспрессивная функция диминутивных суффиксов в современном английском языке // Исследования по романо-германскому языкознанию: межвуз. сб. науч. тр. / ред. И.В. Сентенберг. Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ин-та им. А.С. Серафимовича, 1969. Вып. 1. С. 88–96.

2. Шаховский В.И. Некоторые модели выражения эмоциональности в современном английском языке // Исследования по романо-германскому языкознанию: межвуз. сб. науч. тр. / ред. И.В. Сентенберг. Вып. 1. Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ин-та им. А.С. Серафимовича, 1969. С. 97–112.

3. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ, 2008.

4. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: моногр. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987.

5. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики / отв. ред. С.Б. Берлизон. Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ин-та, 1975. Вып. 2. С. 3–25.

6. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения / под ред. В.И. Шаховского. Волгоград: Изд-во Волгр. пед. ин-та, 1990. С. 29–40.

7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966.

8. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: моногр. Волгоград: Перемена, 2000.

9. Коростова С.В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). 2009. № 103. С. 88–93.

10. Смольников С.Н. Антропонимия в разных типах деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: моногр. Вологда, 2005.

11. Щетинин Л.М. Субъективный фактор в образовании антропонимических текстов // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1986. Т. 45. № 1. С. 159–165.

* * *

1. Shahovskij V.I. Jemocional'no-jekspressivnaja funkcija diminutivnyh suffiksov v sovremenном anglijskom jazyke // Issledovanija po romano-germanskomu jazykoznaniju: mezhvuz. sb. nauch. tr. / red. I.V. Sentenberg. Volgograd: Izd-vo Volgogr. ped. in-ta im. A.S. Serafimovicha, 1969. Vyp. 1. S. 88–96.

2. Shahovskij V.I. Nekotorye modeli vyrazhenija jemocional'nosti v sovremenном anglijskom jazyke // Issledovanija po romano-germanskomu jazykoznaniju: mezhvuz. sb. nauch. tr. / red. I.V. Sentenberg. Vyp. 1. Volgograd: Izd-vo Volgogr. ped. in-ta im. A.S. Serafimovicha, 1969. S. 97–112.

3. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semantickej sisteme jazyka. 2-e izd., ispr. i dop. M.: LKI, 2008.

4. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semantickej sisteme jazyka: monogr. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1987.

5. Shahovskij V.I. Problema razgranichenija jekspressivnosti i jemotivnosti kak semantickej kategorii lingvostilistiki // Problemy semasiologii i lingvostilistiki / отв. ред. S.B. Berlizon. Rjazan': Izd-vo Rjazan. gos. ped. in-ta, 1975. Vyp. 2. S. 3–25.

6. Shahovskij V.I. Jemotivnaja semantika slova kak kommunikativnaja sushhnost' // Kommunikativnye aspekty znachenija / pod red. V.I. Shahovskogo. Volgograd: Izd-vo Volgr. ped. in-ta, 1990. S. 29–40.

7. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sov. jencikl., 1966.

8. Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-jesteticheskij potencial: monogr. Volgograd: Peremena, 2000.

9. Korostova S.V. Jemotivnost' kak funkcional'no-semanticeskaja kategorija: k voprosu o terminologii // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gercena (Sankt-Peterburg). 2009. № 103. S. 88–93.

10. Smol'nikov S.N. Antroponimija v raznyh tipah delovoj pis'mennosti Russkogo Severa XVI–XVII vv.: monogr. Vologda, 2005.

11. Shhetinin L.M. Sub#ektivnyj faktor v obrazovanii antroponimicheskikh tekstov // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i jazyka. 1986. T. 45. № 1. S. 159–165.

Proper name as an emotive phenomenon

The article deals with the theory of emotivity developed by V. I. Shakhovsky which is applied to the analysis of Russian anthroponyms. The author shows that proper names are able to connote acquiring additional expressive and evaluative meanings. The author specifies that personal names have three forms: full (official), short (used by family members) and diminutive-augmentative or meliorative-pejorative. It is claimed that V.I. Shakhovsky's method can be applied to the analysis of other types of proper names (toponyms, ergonyms, etc.).

Key words: *proper name, onym, connotation, emotive, ecosystem, derivative, short name, ameliorative, pejorative.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

А.П. СКОВОРОДНИКОВ
(Красноярск)

ЛИНГВОНЕКРОФИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается разновидность речевой / языковой агрессии, которая не нашла отражения в дефинициях этого явления, предлагаемых разными авторами. Это такая разновидность речевой агрессии, которая представляет крайний, экстремальный случай негативной эмоциональности и характеризуется ненавистью к объекту оценивания и желанием его уничтожить. Для обозначения этого феномена предлагается термин «лингвонекрофилия».

Ключевые слова: *речевая / языковая агрессия, экстремальная негативная эмоциональность, лингвонекрофилия.*

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.
Вадим Шефнер

В этой статье речь пойдет о словах, которыми хотят убить, т. е. о той информационной среде, в которой, по выражению В.И. Шаховского, «появляются все новые и новые средства для обозначения негативных эмоций и

отрицательных явлений, порождения эмоционально отрицательных сообщений и целых текстов» [10, с. 122–123], о той информационной среде, которая приводит «к негативации языковой картины у носителей языка, неуважению ими своей родины» [11, с. 303].

В общем случае разговор пойдет о той речи, которая в книге Н.Е. Петровой и Л.В. Рацибурской «характеризуется повышенной агрессивностью, в том числе активным использованием соответствующих стратегий и тактик речевого поведения: угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, навешивание ярлыков, оскорбления и т. д.» [7, с. 21–22]. Эти признаки речевой агрессии не упоминаются в предлагаемой авторами дефиниции речевой агрессии в силу ее обобщающего характера, хотя именно они в значительной степени характеризуют тот языковой / речевой феномен, который является предметом нашего исследования: «...под речевой агрессией в данном пособии понимается жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Там же, с. 24] (ср. близкие по сути (но не по форме!) определения речевой агрессии у других авторов, например, в [1, с. 31; 2, с. 176; 3, с. 48–50; 12, с. 15–16; 13, с. 16]).

О том, что такие дефиниции не «схватывают» главного признака того вида речевой агрессии, который мы имеем в виду, говорят, например, такие тексты, взятые из статьи О.Б. Неменского «Русофобия как идеология» [6]:

- *Не существует в природе никаких «русских националистов». Почему? Да потому, что животные не имеют национальности. Русское быдло темное, пьяное, тупое. Свиньи, скот, мразь, говно. Не люди, нет. Недочеловеки. Людьями эти отбросы человечества именовать не достойны. И вот именно такими населена вся Россия... Россия – это мразь. Ее полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире... (из статьи Б. Стомахина «Мысли вслух»)* (цит. по: [6, с. 57]);

- *Тот самый народ, а если называть вещи своими именами – рабско-холуйская биомасса, поддерживающая, питающая и исправ-*